

УДК: 811.161.1:57

Л.И. Шелепова

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ «ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКИХ ГОВОРОВ АЛТАЯ»)¹

В статье представлены разработанные автором принципы построения историко-этимологического словаря, в который включена диалектная лексика, зафиксированная на Алтае в речи его современных жителей, и выявляются возможности создаваемого лексикографического источника в реконструкции истории языка и культуры одного из самобытных регионов Сибири.

Ключевые слова: словарь, этимология, русские говоры, Алтай.

Примечательной особенностью современной русистики является создание региональных этимологических словарей. Среди наиболее значимых проектов в этой области (разрабатываемых или уже осуществленных) могут быть названы: «Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков» А.Е. Аникина [1], «Этимологический словарь севернорусских говоров» А.С. Герда [2], «Словарь финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера» под ред. А.К. Матвеева [3], «Тематический этимологический словарь русских говоров Северо-Запада. Финно-угорские, балтийские и тюркские заимствования» С.А. Мызникова [4], «Этимологический словарь русской (в основном сибирской) экспрессивной лексики» Б.Я. Шарифуллина [5].

В этом же ряду словарей может быть рассмотрен и создаваемый коллективом авторов в Барнауле «Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая» [6]. В настоящее время подготовлены 5 выпусков словаря, в которых содержится историко-этимологическое объяснение около 5000 русских диалектных слов на буквы А–К (*абабки – кьяман*), зафиксированных на современной территории Алтайского края и Республики Алтай. В словарных статьях представлены соответствия объясняемым словам в других русских говорах, функционирующих на территории бывшего Советского Союза; дана историческая информация о словах (указано время их древнейшей фиксации в памятниках письменности – вхождения в «письменный узус»); приведены славянские языковые параллели, способствующие выявлению лексических связей исследуемых говоров с другими славянскими языками и диалектами и (на этой основе) определению места русских говоров Алтая в славянском языковом пространстве; обобщены (на основе существующих этимологических источников) версии о происхождении слов; предложены в ряде случаев оригинальные этимологические решения. Таким образом, содержание словарной статьи даёт исследователю материал для реконструкции истории

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 11-14-22002 а/Т).

диалектного слова от праславянского этимона или источника заимствования до современного функционирования слова в пространстве региона.

Одной из отличительных особенностей создаваемого словаря является привлечение для объяснения всех диалектных слов, отмеченных на территории региона, – исконных и заимствованных, производных и непроизводных, с прозрачной внутренней формой и непрозрачной. Включение производных слов (с прозрачной внутренней формой) обусловлено спецификой рассматриваемого словаря и его задачами: установить не только (и не столько) «дальнюю» этимологию лексических единиц русских говоров Алтая, но и их историю и генетическую принадлежность материнским говорам. Кроме того, внимание к производному слову объясняется и тем, что оно, будучи словообразовательно маркированным, «позволяет выявить культурно-историческую специфику языка с учётом системных связей между единицами языка и культурно значимыми концептами» [7. С. 44–45]. В соответствии с установками антропологической лингвистики «словообразовательная детерминация довольно избирательна и словообразовательному маркированию подвергается лишь то, что оказывается значимым для носителей языка» [7. С. 45].

Историко-этимологическая интерпретация достаточно большого массива слов позволяет сделать некоторые (предварительные) выводы об этимологическом и историческом статусе диалектных слов алтайского региона, а также (на этой основе) о генезисе исследуемых говоров.

Так, выяснилось, что подавляющее большинство проанализированных слов – исконного происхождения, причем значительная их часть относится к праславянскому лексическому фонду. Среди диалектных слов праславянского происхождения, зафиксированных на Алтае, можно выделить (на данном этапе исследования) следующие группы: 1) слова, встречающиеся в других славянских языках и в русских народных говорах (как материнских, так и вторичных – сибирских): *абáбки (обáбки)* «грибы подберёзовики», *абáрка (обáрка)* «суп из фасоли», *бáбить* «принимать роды», *бáбу́рка* «насекомое, бабочка», *бáло* «подвижная часть мялки, которой мнут лён» и др.; 2) слова, являющиеся продолжением праславянских форм, употребляемые в других русских говорах, но не засвидетельствованные или представленные в незначительном количестве в других славянских языках: *бáзлó* «широко раскрытый рот», *бáзыга* «неодобр. о старом человеке», *бесстúжий* «бесстыдный, беззастенчивый, наглый», *божáтка* «крестные отец или мать» и др.; 3) слова, являющиеся продолжением праславянских форм, не отмеченные в других славянских языках и говорах русского языка: *бéрестень (берéзнь, берзéнь, берсéнь, бíрзень)* «дикий крыжовник», *бодыга* «чурка, на которой колют дрова», *бели́нный* в сочетании *белинное болото* «место, где белили холсты» и др.; 4) слова, имеющие соответствия в других славянских языках, но отсутствующие или слабо представленные в других русских говорах: *бодáч* «бодливый бык», *бивáк* «пьяница, лентяй; муж, бьющий жену», *белобóчий* «о светлоглазом человеке», *берёзовый* «о масти лошади» и др. На сохранение в исследуемых говорах праславянских архаизмов (лексических и семантических) обратила внимание и Ж.Ж. Варбот, проанализировавшая ряд лексем из «Словаря русских говоров Алтая» на фоне славянской этимологии [8].

В данном факте нет ничего необычного, он вполне согласуется с известным положением лингвистической географии «о тенденции к сохранению на периферийных, в том числе вторичных, территориях языковых архаизмов» [8. С. 314].

Заимствованная лексика – в основном из тюркских, монгольских, алтайских языков: *багán* – «колодка, палка, прикрепляемая к ногам лошадей и играющая роль пут», *бабáй* – «страшный человек, детское пугало», *баерáк* (*буерáк*) – «неровная местность, чередование ям и кочек», *бáйга* – «шумные раздоры, драки», *балáм* – «ребёнок» и др. Встречаются также заимствования из английского, немецкого, голландского, греческого и некоторых других языков. В заимствованной лексике русских говоров Алтая в целом можно выделить три слоя: «досибирский», т.е. занесённый в Сибирь (и на Алтай. – Л.Ш.) с территорий к западу от нее» [1. С. 10], сибирский, попавший в русские говоры Алтая из других говоров Сибири, и собственно алтайский (заимствования из аборигенных языков Алтая и сопредельных регионов). К последней группе могут быть отнесены, например, такие заимствования, как *байговáть* – «шуметь, безобразничать, драться (чаще в состоянии опьянения)», *балазёнок* – «ребенок, детёныш вообще», *ебáга* «жеребенок по второму году», *еркёшка* «суслик» и др.

Исторический анализ диалектной лексики Алтая показал, что данная лексика по преимуществу зафиксирована в памятниках письменности старорусского периода (XV–XVII вв.): в деловых документах, приказах, книгах расходов, частной переписке. Немало слов отмечается в текстах XVIII в. Некоторые слова отражаются в весьма древних источниках: Изборнике 1076 г. (*берёмя* – «охапка, вязанка, ноша»), Успенском сборнике XII–XIII вв. (*гáдить* – «бранить, ругать», *гáнуть* – «гибнуть, погибать»), Лаврентьевской летописи 1377 г. (*бостí* – «бодать», *горно́* – «горн») и др.

В результате сопоставления лексики русских говоров Алтая с лексикой других регионов выяснилось, что на территории Алтая представлены слова, встречающиеся в диалектах европейской части России (севернорусских, южнорусских, среднерусских), Урала и Сибири. При этом преобладает (на данном этапе исследования) севернорусский диалектный слой. Часть слов зафиксирована только на Алтае (например, *бáжимáнить* – «быстро разговаривать»), *бáжiха* – «кость, используемая при игре в бабки», *балабáша* – «уродливый пант, короткий, вздутый», *боюн* – «вид ястреба» и др. Чаще всего это местные заимствования, трудные в этимологическом отношении.

Создаваемый «Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая» мы рассматриваем как разновидность «алтайского текста», поскольку он (как и любой словарь) обобщает и фиксирует наши знания не только о языке, но и о культуре региона в его прошлом и настоящем. Историко-этимологический анализ выступает в данном случае как приём декодирования содержащейся в слове культурной информации. Приведём некоторые примеры, иллюстрирующие данную мысль.

В словаре отражены (с пометой «устар.») слова, записанные в селе Талица Усть-Канского района: *барантá* «вражда соседних селений» и *барантовáть* «враждовать» [9. Т. 1. С. 42]. По данным «Словаря русских

говоров Сибири», слово *барантá* в значении «разбойничьи набеги, главным образом с целью угона скота» (тоже как «устар.») зафиксировано в Кяхтинском районе Республики Бурятия [10. С. 46]. Эта лексическая единица отмечена и в сводном «Словаре русских народных говоров» (с локальными пометами «терск., дон., тифл.»), но в другом значении – «стадо баранов», а также его оттенках: «стадо овец и баранов», «стадо овец, в особенности пасущееся на горах» [11. Вып. 2. С. 107]. Переосмысление произошло, несомненно, под влиянием существительного *барáн* «самец овцы». С тем же значением («стадо баранов и овец») слово содержится в «Словаре современного русского литературного языка» в 20 т. (с пометой «обл.») [12. С. 338]. Существительное *баранта* (вариант *боранта*) впервые фиксируется в Актах Астраханской воеводской избы в 1650 г. в значении «месть за угон скота, захват людей, ограбление» [13. Вып. 1. С. 73]. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля содержится следующее объяснение энциклопедического характера: «Баранта. У азиатских пограничных народов, а более у кочевых, самоуправная месть по междоусобиям; набег, грабёж; отгон скота, разор аулов, захват людей. Баранта тем отличается от военных набегов, что нападающие, из опасения кровомести, идут без огнестрельного и даже без острого оружия, а берут ожоги, вместо копий, обух и нагайку» [14. Т. 1. С. 47]. С этимологической точки зрения слово *барантá* и его производное *барантовáть* являются заимствованиями из чагат. *baranta*, казах. *barymta* «разбойничий набег», которые объясняются из монг. *barimta* «налёт, нападение». Такое объяснение даёт в своём словаре М. Фасмер со ссылкой на «Опыт словаря тюркских наречий» В. Радлова [15. Т. 1. С. 124]. В «Этимологическом словаре русских диалектов Сибири...» А.Е. Аникина приводится основа (этимон) монгольского существительного – *bari* – «держатъ, брать, хватать» [1. С. 35]. Характерно, что память о прошлом «увековечена» в Усть-Канском районе нынешней Республики Алтай в микропонимах: названиях долины (*Барантóва долина*) и лога (*Барантóво*) [9. Т. 1. С. 42].

В селе Чистоозёрка Завьяловского района отмечено слово *двоедáн* «раскольник»: *Двоеданы – это бывшие Тобольской губернии, староверы* [9. Т. 2, ч. 1. С. 13]. Внутренняя форма слова и его культурная семантика проявлены в «Словаре русских народных говоров»: «Так в южных уездах Тобольской губернии называют старообрядцев, которые при Петре Великом платили двойные подати <...>. Двоедан – раскольник, платящий за требы своему духовенству, а также и православному с тем, чтобы последнее оставило его в покое» [11. Вып. 7. С. 286]. По сообщению В.И. Даля, «в Сибири раскольники называются и зовут сами себя двоеданцами, потому что до 1782 г. платили двойную подать» [14. Т. 1. С. 419]. Интересно отметить, что в некоторых говорах (Свердл., Хакас.) слово развивает переносное значение – «хитрый, двуличный человек, врун, сплетник» [11. Вып. 7. С. 286].

В селе Сорочий Лог Первомайского района встретилось слово *дерéвка* в значении «деревня»: *Заняли немцы деревки* [9. Т. 2, ч. 1. С. 22]. Считаем несомненной связь этого слова с отмеченной в рязанских говорах формой *деревкí* «расчищенное под пашню место в лесу; подсека» [11. Вып. 8. С. 12]. Данные факты подтверждают предположение этимологов об этапах семан-

тической эволюции общерусского слова *дерёвня*: 1) «очищенное (букв. выдранное) от леса и зарослей место для нивы»; 2) «пахотное поле»; 3) «двор, т.е. хутор с участком земли»; 4) «селение, село, деревня» [15. Т. 1. С. 501]. В подтверждение этой версии можно привести ещё сущ. *dor* (восходящее к праслав. **dorь* – от **dьrati* [16. Вып. 5. С. 80]), зафиксированное в русских диалектах в нескольких значениях, в том числе: 1. Вновь расчищенное место; земля, расчищенная из-под леса (Арх., Волог., Север., Пск.). 2. Новое селение на чистом возвышенном месте, на дору (Арх., Север., Волог.) [11. Вып. 8. С. 129; 14. Т. 1. С. 475]. Таким образом, в записанном на Алтае слове *дерёвка* мы видим отголосок старины, когда «расчистка земли от деревьев была частью подсечно-огневой системы земледелия в лесной местности, а тем самым – экономической основой земледельческого образа жизни» [17. С. 73–74].

Думается, что осуществление проекта «Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая» в полном объёме – до буквы Я (планируется издать всего 10 выпусков) даст возможность воссоздать историю языка и культуры одного из самобытных регионов Сибири.

Литература

1. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Москва; Новосибирск, 2000.
2. Герд А.С. Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров // Севернорусские говоры: межвуз. сб. СПб., 2004. Вып. 8. С. 173–275.
3. Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера / под ред. А.К. Матвеева. Вып. 1: А–И. Екатеринбург, 2004.
4. Мызников С.А. Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование прибалтийско-финского происхождения. СПб., 2003.
5. Шарифуллин Б.Я. Проблемы этимологического изучения русской лексики Сибири. Красноярск, 1994.
6. Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая / под ред Л.И. Шелеповой. Барнаул, 2007–2010. Вып. 1–4.
7. Вендина Т.И. Словообразование как источник реконструкции языкового сознания // Вопросы языкознания. 2002. № 4. С. 42–72.
8. Варбот Ж.Ж. Алтайские диалектизмы на фоне славянской этимологии // Материалы и исследования по русской диалектологии. I (VII): К 100-летию со дня рождения Р.И. Аванесова. М., 2002. С. 314–318.
9. Словарь русских говоров Алтая / под ред. И.А. Воробьёвой, А.И. Ивановой. Барнаул, 1993–1998. Т. 1–4.
10. Словарь русских говоров Сибири / под ред. А.И. Фёдорова. Т. 1, ч. 1: А–Г. Новосибирск, 1999.
11. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин (вып. 1–23), Ф.П. Сороколетов (вып. 24–). Л.; СПб., 1966–. Вып. 1–.
12. Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред. К.С. Горбачевич. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1991. Т. 1: А–Б.
13. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–2006. Вып. 1–27.
14. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978–1980. Т. 1–4.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. 1–4.
16. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. М., 1975–2009. Вып. 1–35.
17. Кретов А.А. О вторичном значении «дерево» в индоевропейском праязыке // Этимология 1997–1999. М., 2000. С. 70–76.